

III. BAUDŽIAMOJI TEISĖ

**РОССИЙСКАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПОД
УГЛОМ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ К
СМЯГЧЕНИЮ РЕПРЕССИИ**

Дмитрий Шестаков, проф.

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет
права
22 Линия Васильевский остров, 7
199026 Санкт-Петербург
Россия
Факс. 812 213 49 49

Представлено печати 18 марта 1999 года

Краткое содержание

1. Юридические нормы обладают определенным организующим началом, которое в нынешних кризисных российских условиях «переходного периода» для недостаточно инициативного населения, привыкшего полагаться на команду сверху, достаточно важно. Криминологическое законодательство (нормативные акты, которые в совокупности образуют юридическую базу контроля преступности) можно подразделить на уголовное и криминологическое законодательство в узком смысле слова, которое регулирует не связанную с применением уголовной репрессии деятельность, предупреждающую преступлений.

2. Собственно криминологическое законодательство складывается из следующих шести подгрупп, соответственно регламентирующих: 1) криминологическую политику; 2) ресоциализацию криминогенных контингентов населения; 3) профилактику преступлений несовершеннолетних и молодежи; 4) виктимологическую профилактику преступлений и социальную помощь потерпевшим от преступлений (виктимологическое законодательство); 5) деятельность самих субъектов социального контроля преступности; 6) контроль финансовой деятельности, а также оборота некоторых вещей: наркотиков, сильнодействующих веществ, оружия и боеприпасов, культурных и исторических ценностей, валюты и др., - которые особенно часто становятся предметами преступления.

3. Россия нуждается в изменении принципов Уголовного кодекса и целей (функций) наказания таким образом, чтобы во главу угла поставить возмещение потерпевшему вреда и удержание виновного от дальнейших преступлений. Необходимо законодательно отменить смертную казнь и вернуться к предельным срокам лишения свободы, предусмотренным в России последним советским кодексом.

Весьма желательно также принять Основы законодательства России о социальном контроле преступности, соответственно их систематизировать, переработать (в идеале кодифицировать) собственно криминологическое законодательство, а также принять в его развитие ряд новых законов, в частности, о контроле семейного насилия и молодежной преступности.

В российской криминологии уже дольше десяти лет дискутируется вопрос о понятии преступности: сводится ли она к совокупности преступлений или же представляет собой нечто иное. По мнению автора настоящей статьи преступность есть свойство общества порождать опасные для него самого деяния, предопределяющее введение уголовно-правовых запретов. Для формирования уголовно-правовой политики адекватное представление о преступности как о предмете, на который она призвана воздействовать, играет важную роль.

Выражением современной постсоветской уголовно-правовой политики стал новый уголовный кодекс 1996 года (далее – УК). Он обладает рядом технико-юридических преимуществ по сравнению с предшествующим уголовным кодексом, учитывает происшедшие в стране политические и экономические перемены. Вместе с тем новый кодекс игнорирует исторически наметившуюся, по крайней мере в Европе, тенденцию к смягчению репрессии. В завуалированном виде в нем закреплена сходящая в цивилизованном мире со сцены идея возмездия за совершенное преступление, а в соответствии с ней сохранена смертная казнь, значительно продлены сроки лишения свободы.

Этот печальный факт может быть объяснен, в частности, следующими причинами: чрезмерной восприимчивостью законодателя к общественному мнению; недостаточностью криминологических представлений, подразумевающих глубокое понимание феномена преступности; сохранение смертной казни дополнительно повлияло на продление сроков лишения свободы. Уклонение России от либерализации уголовно-правовой репрессии не только отрицательно характеризует ее моральное состояние, но, по всей видимости, также негативно скажется на развитии преступности.

1. Понятие о преступности как о предмете уголовно-правовой политики

Как в криминологической теории, так, стало быть, и в уголовно-правовой законотворческой деятельности предмет этой деятельности недостаточно прояснен, о чем свидетельствует дискуссия о понятии преступности. В России или, точнее сказать, в Советском Союзе эта дискуссия довольно явственно обнаружилась в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов, когда отдельными учеными в Санкт-Петербурге и Эстонии (Я. И. Гишинский, Э. Э. Раска, Л. И. Спиридонов, Д. А. Шестаков) было поставлено под сомнение господствовавшее в российской криминологии традиционное представление о преступности. Естественным, что критикам традиционной криминологии нашлись оппоненты (П. П. Гришаев, И. И. Карпец и др.).

Криминологов, которые в России занялись поиском нового понятия о преступности, можно было бы по аналогии с Германией назвать представителями «критической» криминологии. Впрочем, российская дискуссия разворачивается несколько в иной плоскости, нежели германская.

Развитие представлений о преступном поведении привело российских криминологов к практически единодушному мнению о том, что следует различать, с одной стороны, преступление как конкретный поведенческий акт и, с другой стороны, преступность как массовое явление. Преступность как массовое социальное явление обладает особыми по отношению к отдельному преступлению качествами (структура, динамика, невозможность предупреждения и т.д.). Конкретное преступное поведение изучается по большей мере

криминальной психологией, педагогикой, пенологией и т.п. Преступность же образует предмет криминологии, под которой в России разумеют обычно социологию преступности.

Отбрасывая детали, можно сказать, что с точки зрения традиционной российской криминологии преступность – это совокупность всех преступлений, совершаемых в определенный период времени на определенной территории.

Нетрадиционный подход заключается в утверждении о том, что преступность нельзя сводить к совокупности совершаемых в обществе преступлений. Преступность есть нечто иное. В этом мнении сходились «критики» и пытались определить преступность по своему [6, 107] Автор настоящей работы определил преступность как некое свойство всякого (независимо от общественной системы) общества воспроизводить массу опасных для него самого деяний, обуславливающее введение уголовно-правовых запретов, поддающееся количественной интерпретации и внешне выражающееся в совокупности преступлений, совершаемых в условиях определенного времени и пространства. Говоря короче, преступностью я называю свойство общества порождать преступления.

Это свойство (качество) является выражением более общей возрастающей тенденции человечества к саморазрушению, обнаруживающейся, в частности, в злоупотреблении окружающей средой, наркотизме, самоубийствах и т.п. Оно проявляется в том, что в структуре общества всегда имеются социальные противоречия (причины преступности), обуславливающие неудовлетворенность людей. Эти противоречия на уровне индивидуального человечества бытия порождают неблагоприятные обстоятельства, которые отрицательно влияют на формирование личности, и сложные жизненные ситуации, провоцирующие соответствующую личность на вредное для общества (или, выражаясь языком российского законодателя, общественно опасное) поведение. Это свойство в определенных пределах поддается регулированию не только на уровне конкретного индивида, но и на общесоциальном уровне: путем законодательных решений; воспитательных и социальных программ; программ социальной помощи, – но, в отличие от конкретного индивидуального преступного поведения, не может быть в полном объеме предупреждено. Видимо, существует определенная норма преступности, находящаяся в корреляционной зависимости от численности населения и уровня социального развития, норма, имеющая тенденцию к возрастанию. Преступность характеризуется некоей «уживчивостью», приспособляемостью к обществу, способностью сосуществовать с ним.

Именно данное негативное свойство общества и должно было быть видеть перед собой государство, формулируя политику реагирования на преступность и, в частности, ее уголовно-правовую составляющую. А свойства регулируемого предмета должны были бы предопределять содержание политики.

Опасность порождаемых преступностью преступлений должна предопределять необходимость защищать граждан, окружающую среду, демократические свободы, мир, безопасность человечества и т.д., в том числе посредством возмещения вреда (как за счет государства, так и за счет преступника), а в крайних случаях посредством изоляции на некоторое время находящихся в опасном состоянии преступности.

Регулируемость или управляемость преступности предопределяет целесообразность программ, направленных на нейтрализацию ее причин, а также социальной помощи преступникам и жертвам преступлений и введения уголовно-правовых запретов (криминализации).

Неискореняемость преступности обуславливает необходимость считаться с нею как с некими данными и строить с ней взаимоотношения на цивилизованном уровне, что в современных европейских условиях предполагает отказ от цели возмездия (мести, кары и т.п.) и тенденцию к смягчению наказания.

Предопределенная логикой общественного развития тенденция к смягчению репрессии исторически сложилась путем последовательного отказа от членовредительских и прочих телесных наказаний от смертной казни. Дальнейшая либерализация репрессии в перспективе развития общества, думается, неизбежна, несмотря на сопротивление значительной части населения и даже на отмеченное выше возрастание преступности. В смягчении репрессии осуществляется очеловечивание человечества. Этой тенденции я придаю особое значение, а соответствие ей выдвигаю в качестве одного из важных критериев для оценки уголовно-правовой политики.

2. Курс современной российской уголовно-правовой политики на ужесточение репрессии

Под уголовно-правовой политикой здесь понимается та часть общей политики реагирования на преступность (криминологической политики), которая заключается в регулировании государством уголовно-правовой реакции его на преступность. Понятно, что отсутствие в криминологическом сознании адекватного представления о предмете политики лишает ее надежного фундамента и не обещает благоприятной перспективы ее развития. Выражением постсоветской уголовно-правовой политики явился УК Российской Федерации, принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г.

Концептуальные начала УК нашли отражение прежде всего в определении его задач и принципов, а также целей уголовного наказания. Далее концепция наполняется конкретным содержанием через введение прочих положений Общей части, а также посредством криминализации общечтсвенно опасных деяний в Особенной части.

В ст. 1 УК сказано, что он основывается на Конституции РФ и обще-признанных нормах международного права. Кодекс призван решать две законодательно закрепленные в нем же задачи: охранительную и превентивную. Согласно ст. 2 он должен охранять права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй РФ от преступных посягательств, обеспечивать мир и безопасность человечества, а также – предупреждать преступления.

Законодательно закреплены положенные в его основу принципы: законность, равенство граждан перед законом, принцип вины, справедливость и гуманизм. Основанием уголовной ответственности признается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом (Ст. 8).

Что касается законодательно закрепленных задач, поставленных перед УК, и принципов, положенных в его основу, то следует отметить, что они в общем соответствуют современному уровню развития общечеловеческой морали и сложившимся (во всяком случае в Европе) правовым представлением. Формулировка оснований уголовной ответственности, на мой взгляд, неудачна, поскольку находится в противоречии с понятием преступления (Ст. 14), содержащим помимо признаков состава преступления еще и так называемый материальный признак – общественную опасность деяния. В результате этой неувязки оказывается возможной ситуация, когда, согласно закону, при отсутствии преступления имеются тем не менее основания уголовной ответственности. Никакого практического смысла в таком положении вещей я лично не усматриваю. Впрочем, это вопрос технический.

Существенный же порок нового УК, за которым стоит не логический просчет, как в случае с основаниями уголовной ответственности, но, по всей видимости, таится определенная именно политическая направленность, связан прежде всего с принципом, который в законе назван «принципом гуманизма» (Ст. 7 УК). Забегая вперед, скажу, что предписанное ему законодателем подлинное его назначение может быть понято только лишь при его сопоставлении с целями наказания (Ст. 43).

Появление в законе этого принципа, полагаю, является откликом, с одной стороны, на упомянутую выше историческую тенденцию к смягчению репрессии, с другой стороны, на идущую в российской уголовно-правовой науке дискуссию о том, должно ли наказание быть возмездием за

совершенное преступление, т. е. в конечном счете должно ли оно мучить осужденного, целенаправленно причиняя ему страдания. Содержание установленного законом принципа «гуманизма», особенно при сопоставлении его с целями наказания и принципом справедливости к моему глубокому сожалению приводит к двум нижеследующим заключениям. Во-первых, в известном смысле законодатель стал на позицию сторонников сохранения за наказанием цели (точнее было бы сказать *функции*) возмездия. Во-вторых, он осуществлял это не ясно и открыто, как следует формулировать любое положение закона, а тщательно завуалировав свою позицию и прикрываясь при этом высоким словом «гуманизм». Что касается целей наказания, то таковых в УК названо три: особо выделенное восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (Ст. 43). Две последних – по смыслу закона второстепенных цели – выглядят вполне безобидно, хотя, конечно, исправление осужденного причисленно к целям наказания явно непродуманно. Вообще-то весьма сомнительно, что кого-либо можно исправить наказанием, не говоря уже о таких его видах как пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Попытаемся, однако, понять – что по смыслу законодателя представляет собой ведущая цель восстановления социальной справедливости. Быть может, она означает официальное от имени государства порицание, возмещение по мере возможности вреда, причиненного потерпевшему? Нет, в справедливости законодатель усмотрел соответствие наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (Ст. 6). Выходит, восстановление социальной справедливости по постсоветскому законодательству означает то, что осужденному следует «воздать по заслугам», т.е. все то же «зуб за зуб, око за око», «Мне отмщение и Аз воздам!».

Так ли это? А как же с принципом гуманизма? Дело в том, что в УК предусмотрен не простой, а довольно специфический, ограниченный и, если можно так выразиться, довольно-таки социалистический гуманизм. Ст. 7 (принцип гуманизма) гласит: «Уголовное законодательство РФ обеспечивает безопасность человека», – чем подчеркнута, что гуманизм направлен не столько на осужденного, сколько на прочих членов общества. В этом-то положении и заключается центр тяжести неприятия законодателем тенденции к смягчению репрессии. Он размазывает понятие гуманизма уголовного права, не желает признать, что гуманное отношение именно к преступнику является показателем уровня развития уголовно-правовой политики. Далее в ст. 7 следует, что целями наказания не могут быть причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства, из чего вытекает, будто в качестве цели наказания могут вытекать моральные страдания.

Порочный круг замкнулся. Государство, относясь с пониманием к недобрым чувствам пострадавшего, желает помучить попавшегося преступника, правда в соответствии с веяниями нового времени помучить лишь морально.

Неоткровенность, стремление завуалировать фактически осуществляемую стратегию не красит современную уголовно-правовую политику. Если государственная власть еще не доросла до того уровня, когда можно было бы в качестве функций (целей) наказания и других предусмотренных уголовным правом мер реагирования на преступление утвердить пресечение преступной деятельности и возмещение вреда

потерпевшему, а в число принципов минимизацию уголовной репрессии, то надо было открыто констатировать, что уровень нашего сознания еще не перекочевал от Ветхого к Новому Завету, отождествить уголовно-правовые меры с карой и указать на цель возмездия. Впрочем, сохрани нас Бог от подобного! По моему убеждению, цель «восстановления социальной справедливости» подлежит исключению из УК.

Ну а то, что в кодексе названо принципом справедливости, пожалуй, в измененном виде можно было бы и оставить, убрав, разумеется, его декларативное название. Речь могла бы идти о сравнительной соразмерности наказания всем обстоятельствам совершенного преступления, имея в виду, что за деяние, совершенное при менее опасных обстоятельствах, не должно назначаться такое же наказание как за более опасное преступление. Соответствие же между наказанием и характером преступления – при всем уважении к Ч. Беккария как автору этой идеи, надо было бы снять как в большинстве случаев недостижимое да и нецелесообразное. Корыстному преступлению соответствует денежный штраф, конфискация. Это можно понять. А что соответствует неосторожному причинению вреда или, скажем, изнасилованию?

3. Реализация политического курса в видах и сроках наказания

В самом ли деле влияет на уголовно-правовую политику неадекватное понимание ее предмета теми, кто ее направляет? Правильно ли мы разгадали манипуляцию принципами УК и целями (функциями) наказания? Ответ на эти вопросы нужно искать в нововведениях, в первую очередь касающихся видов и сроков наказания.

Перечень видов наказания в новом кодексе включает в себя тринадцать наименований: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; исправительные работы; ограничение по военной службе; конфискация имущества; ограничение свободы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь (Ст. 44). Он несколько изменен по сравнению с кодексом 1960 г. В связи с происшедшими в социальной жизни переменами такие виды наказания как увольнение от должности, общественное порицание и возложение обязанности загладит причиненный вред. Несмотря на это, что таким образом устранены наиболее мягкие из существовавших прежде видов наказания, сам по себе этот факт не свидетельствует о противостоянии российской уголовно-правовой политики тенденции к либерализации репрессий. Данные виды наказаний и в прежних условиях применялись крайне редко, а в нынешних они практически утратили смысл. В кодекс включены новые виды наказания, почерпнутые из зарубежного опыта противодействия преступности: обязательные работы; ограничение по военной службе; арест; пожизненное лишение свободы. Эти нововведения не только не противоречат тенденции к смягчению, но наоборот вписываются в нее, поскольку представляют суду при назначении им наказания дополнительные альтернативы к наиболее суровым его видам. Первые три из нововведенных вида наказания теоретически создают возможность для более редкого применения лишения свободы на определенный срок, а пожизненное лишение свободы – для сокращения применения смертной казни, тем более, что во всех санкциях, предусматривающих за конкретные преступления смертную казнь, непременно содержится в качестве альтернативы также и пожизненное лишение свободы.

Здесь следует упомянуть также то, что с принятием нового УК произошло изменение в основаниях освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Таковых теперь четыре: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, изменение обстановки и истечение сроков давности (Ст. 75-78). Причем, освобождение от ответственности в связи с примирением с потерпевшими с деятельным раскаянием являются новые для российского законодательства. Первое – совсем новым, а второе – отчасти. Особенная часть прежнего уголовного законодательства уже предусматривала ряд случаев освобождения, связанного с определенной деятельностью раскаявшегося преступника, теперь же впервые установлена возможность освобождения лица, впервые совершившего любое из преступлений небольшой тяжести, если оно добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный вред или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления. Вместе с тем, исключены некоторые из существовавших оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, а именно передача виновного на поруки, передача

материалов уголовного дела для рассмотрения в товарищеском суде или в комиссии по делам несовершеннолетних, а также для применения мер административной ответственности. Сокращение оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания не может быть рассмотрено как отступление от тенденции к либерализации репрессий, поскольку продиктовано изменившейся общественной ситуацией. Введение новых видов освобождения от ответственности и наказания, равно как и введение новых мягких видов наказания будет в какой-то мере способствовать сужению применения лишения свободы.

Однако, в явном противоречии с тенденцией к смягчению репрессий состоит имеющее место в новом УК существенное увеличение пределов срочного лишения свободы и сохранение смертной казни.

По уголовному кодексу 1960 г. самый большой срок срочного лишения свободы составлял 15 лет, безотносительно к тому, назначалось ли наказание за единичное преступление, по совокупности ли преступлений или по совокупности приговоров. В ряде правовых ситуаций предельный срок срочного лишения свободы был еще значительно ниже. По новому УК лишение свободы за отдельные преступления устанавливается на срок от шести месяцев до двадцати лет. Понятно, что санкции большего числа статей Особенной части предусматривают значительно менее длительные сроки. В случае частичного или полного сложения сроков лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы установлен в двадцать пять лет, а при совокупности приговоров в тридцать лет (Ст. 56). Таким образом, если даже не принимать во внимание того, что в санкциях статей появилось еще и пожизненное заключение, можно констатировать ожесточение российского уголовного законодательства по крайней мере в два раза (!), что означает существенное отступление назад по сравнению с более милостивым (в части лишения свободы) последним советским законодательством.

Смертная казнь по новому УК включена в меньшее число санкций, установленных за конкретные преступления, по сравнению с кодексом предыдущим. При этом практическое значение имеет исключение смертной казни за такие преступления против основ конституционного строя и безопасности государства как государственная измена и шпионаж (Ст. 275, 276). Этот вид наказания за корыстные преступления (Хищение в особо крупных размерах, особо квалифицированное получение взятки) был исключен несколько раньше еще в процессе переработки прежнего кодекса. Смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятилетнего возраста. Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным заключением или лишением свободы на срок двадцать пять лет (Ст. 59).

Тем не менее новый УК предусмотрел возможность назначения этого совершенно дикого вида наказания за пять видов преступлений: квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 277), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (Ст. 295), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов (Ст. 317), геноцид (Ст. 357). Вопреки установленным международно-правовыми нормами и вслед за ними Конституцией РФ правом каждого человека на жизнь той же Конституцией смертная казнь (временно, вплоть до ее отмены) допускается за особо тяжкие

преступления против жизни (Ст. 20 Конституции РФ). Это положение воспроизводится также в Общей части УК (Ст. 69).

Итак, с точки зрения объективной тенденции к либерализации репрессии новый УК выглядит следующим образом. 1. Отказ законодателя от ряда мягких видов наказания, предусмотренных последним советским УК, равно как отказ от некоторых видов освобождения от уголовной ответственности и наказания не может рассматриваться как несоответствие этой тенденции. Он продиктован либо изменениями общественной действительности, либо выявившейся практической неэффективностью соответствующих институтов. 2. Введение новых относительно мягких видов наказания, не связанных с лишением свободы, равно как новых видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, теоретически связываемое обычно с дифференциацией ответственности более и менее опасных преступников, а также с необходимостью стимулирования полезного для правосудия и потерпевших поведения, соответствует рассматриваемой тенденции. 3. Сохранение смертной казни и чрезвычайно значительное увеличение предельных сроков лишения свободы как проявление правового консерватизма находится в глубоком противоречии с тенденцией к либерализации репрессии, обнаруживает уголовно-правовую и криминологическую незрелость России, препятствует налаживанию взаимопонимания с западноевропейскими странами, мешает общественному развитию и, конечно, не способствует уменьшению преступности.

Таким образом, наше умозаключение о подлинном смысле манипуляции с принципами УК и целями наказания, по видимому, находит подтверждение.

4. Синдром Понятия Пилата как причина ужесточения постсоветского уголовного законодательства

В основе того, что российская уголовно-правовая политика в значительной мере пошла вопреки тенденции к смягчению уголовной ответственности, лежат определенные причины, а теоретически к тому выдвигается ряд поводов.

В качестве поводов, подвигнувших российский закон на ужесточение, высказываются обычно следующие: 1) чрезвычайное ухудшение криминологической ситуации в стране, 2) задача дифференциации уголовной ответственности лиц, совершивших более и менее опасные преступления, 3) учет существующего в стране общественного мнения, которое стоит за применение к преступникам наиболее строгих наказаний.

Криминологическая ситуация в России в самом деле сегодня кризисная.

В 1996 г. в стране зарегистрировано 2,6 млн. преступлений, что в пять с лишним раз больше, чем имело место в 1961 г., когда предшествовавший нынешнему уголовный кодекс вступил в силу. Преступность стала опаснее, количество умышленных убийств за последние десять лет возросло более, чем в три раза, в 1996 г. их было зарегистрировано 29 406, а коэффициент убийств равнялся 19,9 в расчете на 10 000 чел. всего населения, что в несколько раз выше, чем в любой из западноевропейских стран. Усилилась профессионализация преступников, которые нередко применяют теперь огнестрельное, включая воинское оружие, специальные средства связи, современный транспорт. В стране расцвели коррупция и так называемая организованная преступность [7].

Все это, к сожалению, так. Однако из этих хорошо известных неутешительных фактов вовсе не вытекает, что удлинение сроков наказания и сохранение смертной казни хоть в какой-то мере сможет улучшить нарисованную здесь картину. По данным МВД РФ подавляющее большинство выявленных преступников (77,3 %) ранее не судимы [7, 20]. А это означает: преступность, безотносительно к тому, что часть преступников удаляется из общества в места лишения свободы, тем не менее порождает все новые и новые преступления, затягивая в их совершение все новых и новых людей. Параллельно этому протекает другой негативный процесс накопления в пенитенциарных учреждениях заключенных. Чем длительнее пребывание там, тем глубже нарушаются связи человека с обществом, тем меньше надежды на то, что сумеет в будущем включиться в нормальную свободную жизнь.

Это, кажется, общеизвестно.

В результате же увеличения сроков лишения свободы наполняемость мест не столь отдаленных может очень существенно возрасти, поскольку из того, что один будет там задерживаться в два-три раза дольше, чем это бывало прежде, вовсе не вытекает, что другие (новенькие) перестанут туда поступать. Первичная-то преступность у нас, как было сказано, гораздо выше рецидивной. Получается, что нынешняя уголовная политика, если она воплотится в соответствующую практику, в итоге приведет к формированию целого «народа», находящегося в глубоком конфликте с обществом. С учетом того, что количество осуждаемых к лишению свободы измеряется в России сотнями тысяч, численность этого «народа в народе» очень скоро будет измеряться миллионами.

У автора настоящей работы имеются серьезные сомнения насчет того, что перед принятием нового УК наша пенитенциарная система подготовила соответствующую материальную базу для ожидаемого пополнения. А чем хуже условия отбывания наказания, тем глубже конфликт между осужденным и осудившим его государством. В итоге остается неясным, кому, собственно, это нужно и неужели идеологи уголовно-правовой политики серьезно полагают, что дальнейшее увеличение уголовного народонаселения окажет положительное воздействие на криминологическую ситуацию в стране?

То же самое можно сказать и о смертной казни. Едва ли кто-то из специалистов уголовного права сегодня может искренне надеяться на то, что ежегодное умерщвление по приговорам судов несколько десятков убийц хоть в какой-то мере изменит общую картину преступности. Ну а сам факт физического уничтожения людей, пусть даже отъявленных негодяев, настолько отвратителен и дик, что его не следовало бы допускать даже если бы смертная казнь уменьшала размеры преступности.

Задача дифференциации уголовной ответственности в УК решается значительно более последовательно по сравнению с кодексом предыдущим.

Это достигается прежде всего тем, что в законе четко установлена категоризация преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности. Всего предусмотрено четыре категории преступлений, а именно преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие (Ст. 15). Данные категории преступлений являются основой дифференциации ответственности, поскольку с принадлежностью того или иного преступления к определенной категории связаны уголовно-правовые последствия – установление рецидива, ответственность за приготовление к преступлению, назначение наказания и освобождение от наказания,

судимость. Категории преступлений имеют значение и для будущего уголовно-процессуального законодательства, поскольку в зависимости от категорий преступлений, как предполагается, будут установлены особенности судопроизводства [2, 192]. Эти нововведения представляются в целом довольно выполненными, однако они не с меньшим, а с большим успехом могли бы осуществляться и при следовании уголовного закона по пути либерализации. Иными словами, для дифференциации ответственности совсем не обязательны те драконовские сроки лишения свободы, которые установил УК.

Общественное мнение желает применения с преступниками самых строгих наказаний. Как показывают исследования, подавляющее большинство населения России стоит за сохранение смертной казни² [4], по-видимому, значительное число россиян одобряет и введение сверхдлительных сроков лишения свободы. Вопрос о возможном смягчении карательной политики заметно раздражает население, не приемлется народом, сердцу которого близка идея «жесткой руки». То, что за проявлением государственной жестокости выступает наше отнюдь не ангельское, а, как отмечалось выше, чрезвычайно криминогенное население, само по себе характерно. Не имеет ли жестокость, проявляющаяся в преступлениях и карательная жестокость общую природу? В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что некоторые осужденные преступники также, случается, одобряют сверхсуровые меры уголовного наказания. Склонность к суровости в отношении наказываемых питается отнюдь не одними лишь превентивными соображениями, но также желанием сохранить традицию «давать преступнику почувствовать на себе отрицательные последствия совершенного им преступления» [1, 64], иными словами, попросту помучить его. Это народное чаяние было понято законодателем, оценившим его как социально справедливое, и установившим, как было сказано выше, восстановление этой самой «социальной справедливости» в качестве одной из целей уголовного наказания. Но надо ли объяснять, что стремление к мучению кого бы то ни было есть проявление дурной психологии, которое не должно поощряться, какому бы большому числу людей эта психология ни была присуща. Слепое следование в вопросах наказаний мнению жестокого большинства автором настоящей работы в свое время названо синдромом Понтия Пилата с той же оценкой, которую заслужил прокуратор Иудеи [5, 66-70].

Причинами же ужесточения уголовной политики, по моему мнению, являются в частности: 1) неоправданная восприимчивость законодателя синдрому Понтия Пилата, 2) построение лестницы наказаний на основе недопустимо сурового наказания – смертной казни, 3) недостаточность криминологических представлений, подразумевающих глубокое понимание феномена преступности.

Итак, законодатель оказался восприимчив к общественному мнению, он легко поддался синдрому Понтия Пилата и «умыл руки», сохранив для народа смертную казнь и установив сверхдлительные сроки лишения свободы. Здесь уместно обратить внимание на то, что пристрастие к подобным сверхжестоким уголовно-правовым мерам свойственно отнюдь не исключительно россиянам, но вообще широким массам повсеместно, в том числе и в странах Западной Европы. Тем не менее западному законодателю, несмотря на известную его демократичность, удастся игнорировать общественное мнение, по крайней мере в вопросе о смертной казни. Смертная казнь исключена из законодательства этих

² По данным выборочного опроса, проведенного А. С. Михлиным – более 90 %.

стран. По всей видимости, там существует большая дистанция между населением и той его элитарной частью, которая занята законотворчеством, нравственные представления последней развиты тоньше. Примечательно, что юридическая элита дореволюционной России (В. Н. Спасович, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий и др.) была за отмену смертной казни [9], чего не скажешь о советских правоведах, большая часть которых солидарна с населением.

Если посмотреть на факт сохранения смертной казни в плоскости юридической техники построения уголовно-правовых санкций, то становится очевидным, что она способствует также использованию сверхдлительных сроков лишения свободы. Как давно известно, логическое построение системы наказаний может быть представлено как многоступенчатая лестница, основанием которой служит самый суровый из видов наказаний (И. Бентам и др.). При этом нежелателен чрезмерно большой разрыв между ступенями с точки зрения их сравнительной тяжести, в противном случае нарушается соразмерность наказания преступлению. Иначе выражая, сохранение смертной казни плохо не только само по себе, но еще и потому, что оно влечет за собой смещение всей системы наказаний в сторону неоправданной жестокости.

Недостаточность криминологических представлений о преступности, смещение этого свойства общества порождать преступления с самими преступлениями ориентирует уголовную политику на «борьбу» с последними. При таком упрощенном понимании преступности может сложиться впечатление, что надолго упрятав злых и опасных преступников в соответствующие учреждения, а кое-кого и вовсе уничтожив, можно в значительной мере решить проблему, тем более, что от подобных чрезвычайных мероприятий их инициаторами ожидается реальное устрашающее воздействие на потенциальных преступников. Но у гидры вырастают все новые головы. Если бы было криминологически правильно понято, сколь незначительны пределы возможности уголовного наказания влиять на **преступность** (как на свойство общества воспроизводить преступления), то сам собой, надо думать, напрасился бы вывод, согласно которому на первый план выступает корректность поведения государства в его отношении к нарушителям закона. Государство не подавало бы своим гражданам примеров жестокости, приучив себя к хорошему тону, не совершало бы неумеренных действий, неадекватных ожидаемым от них результатам.

Взгляд в будущее

При такой уголовно-правовой политике, которая игнорирует диктуемую временем тенденцию к уменьшению репрессии, Россию ожидает, по всей вероятности, сохранение психологической атмосферы, в которой допустимым является нарушение права человека на жизнь со всеми вытекающими отсюда криминогенными последствиями. Продолжится формирование уголовного «народа в народе». С немалыми сложностями столкнется пенитенциарная система, вынужденная сверхдлительное время удерживать в себе осужденных. Ожидается возрастание общего числа заключенных – и те, которые будут лишены свободы на десятки лет, едва ли окажутся покладистее прочих.

Будет ли в российском обществе хотя бы специалистами понято, что его преступность не есть масса совершенных преступлений и что поэтому чрезвычайная суровость к преступникам не может оказать на нее существенного влияния? Перейдет ли когда-нибудь российская уголовно-правовая политика к принципам возмещения потерпевшему вреда

и удержания преступника от дальнейших опасных действий? Будет ли в России осознано, сколь велико значение очеловечивания самой государственной реакции на преступления?

Надо полагать, что в перспективе это неизбежно, поскольку такова логика общественного развития. Неизвестно только, сколь долго этого ждать. Ведь на пути к «лучшему будущему» возникли закрепленные в новом Уголовном кодексе препятствия.

□□□

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беляев Н. А.** Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л., 1986.
2. **Волженкин Б. В.** Комментарий к Уголовному кодексу // Уголовный кодекс РСФСР. – Санкт-Петербург, «Альфа», 1996.
3. **Дунеев В. В.** К проекту закона о предупреждении преступности // Государство и право. 1996. № 11. – С. 38-48.
4. **Михлин А. С.** Смертная казнь: «за» и «против» // Российская газета, 1997.01.04.
5. **Шестаков Д. А.** Синдром Понтия Пилата в реформе уголовного законодательства // Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства. – Тарту, 1989.
6. **Шестаков Д. А.** Понятие преступности в российской и германской криминологии // Правоведение, 1997, № 3.
7. **Преступность** и правонарушение (1992-1996). Статистический сборник МВД, МЮ РФ, Междугосударственного статистического комитета СНГ. – М., 1997.
8. **Российская** уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. – С. 154-161.
9. **Смертная** казнь: за и против. Под ред. С. Г. Келиной. – М., 1989.

□□□

Rusijos baudžiamosios teisės politika atsižvelgiant į istorines represijų švelninimo tendencijas

Prof. D. Šestakov

Sankt Peterburgo valstybinis universitetas, Rusijos Federacinė Respublika

SANTRAUKA

Teisinėms normoms būdingas tam tikras organizuojamasis poveikis. Jis šiandieninėje krizės apimtoje Rusijoje pereinamojo laikotarpio sąlygomis ypač svarbus neaktyviems, prie komandų pripratusiems piliečiams. Kriminologiniai įstatymai (įstatymai ir kiti teisiniai aktai, sudarantys nusikalstamumo kontrolės juridinį pagrindą) gali būti suskirstyti į baudžiamuosius įstatymus, apibrėžiančius baudžiamosios teisės normas, ir kriminologinius įstatymus siaurąja prasme. Jie reglamentuoja nusikalstamumo prevenciją, tačiau nenumato baudžiamosios baismės taikymo ir kitų baudžiamosios represijos priemonių.

Kriminologinius įstatymus sudaro 6 teisinių normų grupės, reglamentuojančios: 1) kriminologinę politiką; 2) baudžiamąjį gyventojų kontingento resocializaciją; 3) nepilnamečių ir jaunų žmonių nusikalstamumo prevenciją; 4) viktimologinę nusikaltimų prevenciją ir socialinę pagalbą aukoms (viktimologiniai įstatymai); 5) socialinės nusikalstamumo kontrolės subjektų veiklą; 6) finansinės veiklos ir tokių prekių kaip narkotikai, ginklai ir amunicija, kultūrinės ir istorinės vertybės, valiuta ir kt., kurios ypač dažnai tampa nusikaltimų objektais, apyvartos kontrolę.

Rusijoje būtina pakeisti Baudžiamojo kodekso principus ir bausmės tikslus. Labai svarbu aukai atlyginti padarytą žalą ir apsaugoti nusikaltusį asmenį, kad nepadarytų daugiau nusikaltimų.

Svarbu priimti bazinius socialinės nusikalstamumo kontrolės įstatymus ir susisteminti, patobulinti (o geriausia – kodifikuoti) kriminologinius įstatymus. Šiam tikslui pasiekti būtina priimti kitus įstatymus (reglamentuojančius prievartos šeimoje kontrolę ir nepilnamečių nusikalstamumą).

Russian Criminal Policy Regarding the Historical Tendencies of Repression Leniency

D. Šestakov, Prof.

St. Petersburg State University, Faculty of Law, Federal Republic of Russia

SUMMARY

1. Legal rules possess a certain organizing principle which is greatly important in nowadays crisis Russian conditions of “transition period” for insufficiently initiative population who has got accustomed to depend upon the command from the top. Criminological legislation (laws and other legislative acts which in total form juridical basis of control of criminality) may be divided on criminal legislation (legislation which contains criminal law rules) and criminological legislation in the narrow sense of the word, which regulates activity which prevents committing the crimes but does not connect with application of criminal punishment and other measures of criminal repression.

2. Criminological legislation in the true sense consists of the following six groups of legal rules which accordingly regulate: 1) criminological policy; 2) resocialization of criminal contingent of population; 3) prevention of crimes committed by minors and youth; 4) victimological prevention of crimes and social help to victims (victimological legislation); 5) activity of subjects of social control of criminality; 6) control of financial activity and also of turnover of certain things: drugs, drastic substances, weapon and ammunition, cultural and historical values, currency and others – which especially often become objects of crimes.

3. Russia needs changing of Criminal Code principles and goals (functions) of punishment in such a way which regards as of paramount importance compensation of injury to the victim and preventing the offender from committing further crimes.

Also it is greatly desirable to pass the Basis of Russia legislation about social control of criminality and according to it systematize, remake (in ideal, codify) criminological legislation in the true sense and, in order to develop it, to pass a number of laws, in particular, about control of family violence and youth criminality.

